

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008 (902)

В.В. Илюшина

ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЧАСТИ
УРАЛО-ОБСКОГО РЕГИОНА ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ – V в. до н.э.

Содержательно представлена динамика культуры лесостепной части Урало-Обского региона во II тыс. – V в. до н.э. Выявлены добифуркационный период, связанный с развитием федоровской культуры, бифуркационный (переходный) период, в котором выделяются три последовательных этапа, и постбифуркационный период (богочановская, большереченская и саргатская культуры раннего железного века).

Ключевые слова: динамика культуры; синергетическая парадигма; эпоха бронзы; переходный период; ранний железный век.

Анализ культурно-исторической ситуации во II тыс. – V в. до н.э. в лесостепной части Урало-Обского региона со всей остротой поставил вопрос о месте и содержательном наполнении переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. В отдельную историческую эпоху данный период был выделен М.Ф. Косаревым и обозначен как процесс затухания и трансформации признаков и черт, присущих культурам эпохи бронзы, и становления новых, характерных для культур железного века [1. С. 189]. В настоящее время все больше растет осознание, что целостный анализ этих процессов сдерживается ограничениями тех методологических парадигм, которые используются при их интерпретации, – циклической, линейной и, в лучшем случае, ковариантной. Исследование переломных моментов в истории культуры, очевидно, требует основательной проработки концептуальной методологии, в которой переходные периоды рассматриваются как необходимые этапы культурно-исторического процесса. В качестве таковой может выступить синергетическая парадигма, которая, во-первых, не только синтезирует основы всех сформировавшихся в науке моделей развития, но и, во-вторых, позволяет, самое главное, рассмотреть динамику систем через этапы стабильного роста, упадков, деградаций, переходных процессов (И. Пригожин, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, С.П. Капица, Е.Я. Режабек и др.). Динамика культуры во II тыс. – V в. до н.э. лесостепной части Урало-Обского региона представлена на схеме 1.

В эпоху бронзы на всех территориях лесостепной части Урало-Обского региона выделяется андроновская культурно-историческая общность (АКИО), включающая в себя алакульскую, федоровскую [2. С. 49; 3. С. 86; 4. С. 48; 5. С. 39–41 и др.] и, возможно, черкаскульскую культуры [6. С. 4–41]. В структуре целостной динамики культуры II тыс. – V в. до н.э. именно вторая из них может быть осмыслена как ее *добифуркационный период*. Свидетельством этого, несмотря на некоторые локальные особенности, являются сформировавшиеся на ее основе и распространявшиеся от Зауралья до Минусинской котловины единые стандарты в материальной культуре. Особенно они проявляются в керамических комплексах [3. С. 63–71; 7. С. 43–53; 8. С. 90–102 и др.], общем хозяйственно-экономическом укладе: оседлое скотоводческо-

земледельческое хозяйство, сходные принципы освоения вмещающего ландшафта (топография поселений, структура поселков, конструктивные особенности строений). Кроме того, для всего населения этого периода, по-видимому, были характерны близкие мировоззренческие установки, отражающиеся, главным образом, в погребальной практике [3. С. 6–45; 5. С. 49–56; 9. С. 48–62 и др.]. Иными словами, был установлен некий общий темпомир динамики культуры – ее относительно стабильное и устойчивое существование.

Около XIII в. до н.э. начинается процесс, который вслед за А.В. Матвеевым [10. С. 120] можно обозначить как распад АКИО. На территории лесостепного Зауралья он обнаруживается в формировании в недрах федоровской культуры черкаскульских древностей, на территориях лесостепного и подтаежного Прииртышья, Приишимья, Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья – в формировании андроновидных культур первого порядка [11. С. 84–85] или пахомовско-ордынского культурно-хронологического пласта [12. С. 13]. Нарушение стабильности в динамике культуры АКИО, скорее всего, было связано с потерей внутренних связей между отдельными группами населения, с изменениями в культурной среде сопредельных территорий (формирование общности культур валиковой керамики на территории степей Казахстана и Алтая), что могло повлечь, например, нарушение путей обмена продукцией, а также с влиянием ухудшающейся климатической ситуации. Эти факторы могут рассматриваться как признаки *бифуркационного (переходного) периода*, который характеризуется неизбежным эволюционным кризисом, «ибо сложные организации вблизи момента максимального развития, “момента обострения” становятся неустойчивыми к малым возмущениям, флуктуациям на микроуровне» [13. С. 13].

Динамика бифуркационного процесса в лесостепной части Урало-Обского региона была рассмотрена исходя из выделенных Е.Я. Режабеком в бифуркационном интервале трех последовательных этапов – вхождение в хаос, бытие и выход из хаоса [14. С. 71]. Однако анализ культурно-исторической ситуации и ее интерпретаций позволил детально рассмотреть этот переходный период и выявить его специфику.

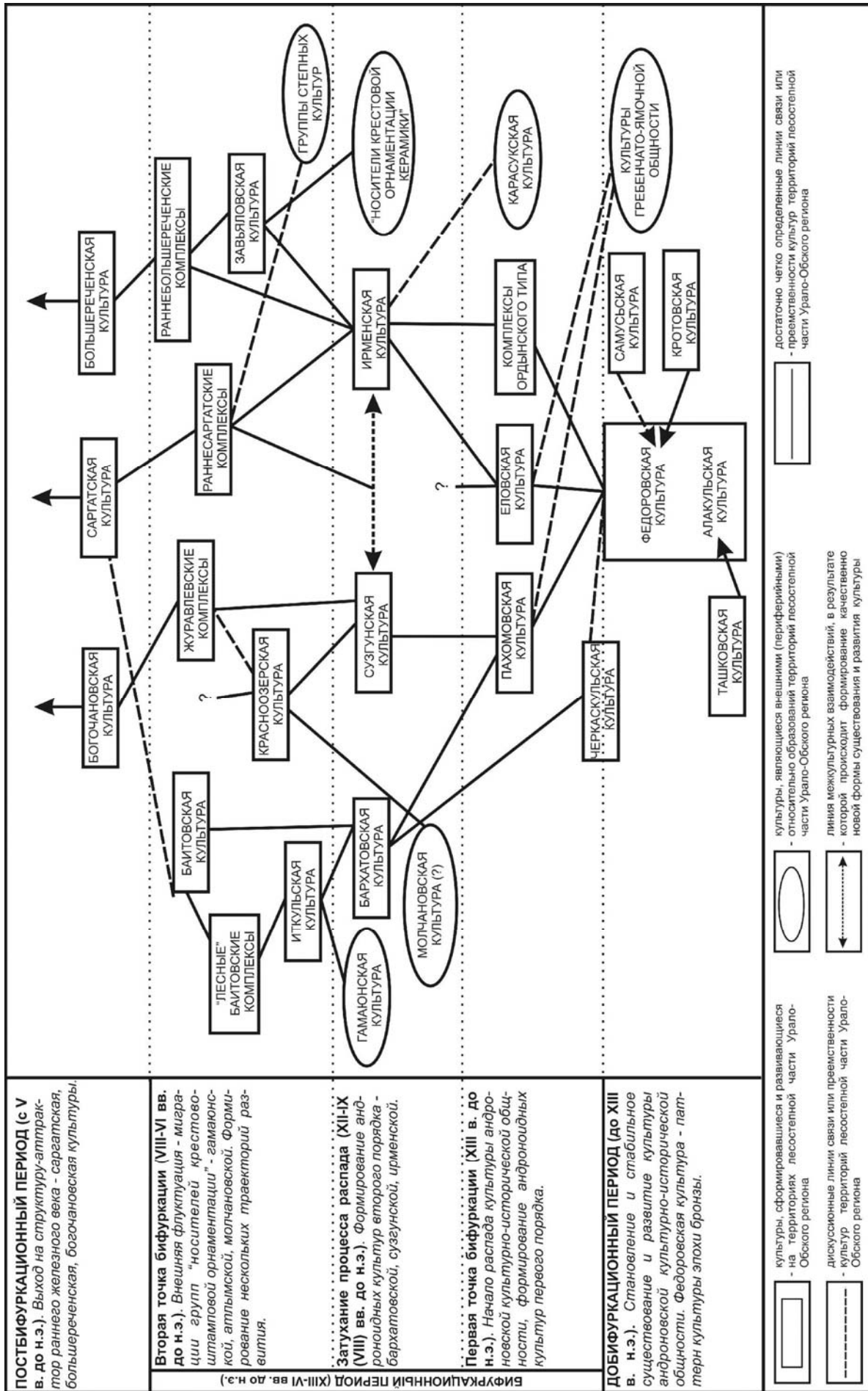

Схема 1. Динамика культуры лесостепной части Урало-Обского региона во II тыс. - V в. до н.э.

Первый этап, по всей видимости, заключается в обозначенном нами процессе распада и дезорганизации целостной системы культуры АКИО. Этот этап заключал в себе *первую точку бифуркации*, выразившуюся в формировании *фрактальных (самоподобных) структур*, которые представлены андронидными культурами первого порядка. В связи с этим следует отметить тот принципиальный факт, что рассмотрение переходного периода в традиционно принятых хронологических рамках – VIII–VI вв. до н.э. – исключает из поля зрения момент завершения упорядоченного хода развития (начало распада АКИО).

Исходя из этого, представляется допустимым расширить временные границы переходного периода примерно до XIII в. до н.э. Андронидные культуры первого порядка в таком случае можно обозначить как промежуточные эволюционные формы, которые являются неустойчивыми и потому нежизнеспособными – они эволюционируют к более устойчивым состояниям. Эту эволюцию можно наблюдать в некоем затухании хаотических процессов к XII–XI вв. до н.э. и в формировании трех крупных культурно-исторических образований, что, в свою очередь, представляет второй этап бифуркационного периода. Эти образования обозначены нами как андронидные культуры второго порядка и соотнесены с позднебронзовыми бархатовской, сузгунской и ирменской культурами [8, 15–17 и др.]. Позднебронзовые культуры в процессе своей динамики, видимо, постепенно могли вывести культуру региона из периода бифуркации, выйти на *аттрактор* (будущее состояние системы) – систему культуры раннего железного века. Это проявилось в выработке новых качеств относительно культуры предшествующего времени (как собственно андронидской, так и андронидной) – в перестройке экономики, трансформации керамических комплексов, реорганизации жилого пространства. Однако постепенная их динамика в сторону поглощения хаотических процессов (дальнейшего распада), сокращения внутренних флуктуаций (спонтанные изменения, колебания, нестабильность) и, в итоге, формирования новой упорядоченной системы была прервана миграциями групп носителей традиций культур крестово-штамповой орнаментации (гамаюнская, атлымская, молчановская) из таежных зон Западной Сибири.

Именно эта ситуация повлекла *вторую точку бифуркации* в конце IX–VIII вв. до н.э., что может быть обозначено как третий этап бифуркационного периода. Таким образом, если первая точка бифуркации была связана скорее с внутрикультурными процессами хаотического порядка, то вторая – спровоцирована влиянием извне и выразилась в появлении как минимум двух траекторий развития внутри каждой позднебронзовой культуры. Эти траектории связаны, с одной стороны, с влиянием северных традиций и взрывообразным формированием в периферийных зонах систем бархатовской, сузгунской и ирменской культур, так называемых культур переходного периода – иткульской, красноозерской, завьяловской, и, с другой стороны, с процессом внутренней динамики позднебронзовых культур, выразившемся в постепенной их трансформации и складывания стереотипов и форм раннего железного века. Это, в свою очередь, может быть поня-

то как возобновившаяся дифференциация в еще не вышедших из бифуркационного периода системах позднебронзовых культур.

В системе бархатовской культуры одна из траекторий связана с влиянием гамаюнской культуры и формированием и развитием восточного варианта иткульской культуры второго типа, которая в дальнейшем трансформировалась в близкие баитовским комплексам в подтаежной части Притоболья (В.А. Зах, О.Ю. Зимина). Вторая траектория представляет собой процесс саморазвития (внутренней трансформации) бархатовской культуры и постепенного сложения баитовских (раннежелезных) стереотипов на территории лесостепи (Н.П. и А.В. Матвеевы, О.М. Аношко). На сегодняшний день можно лишь наметить возможные варианты динамики культуры в процессе выхода на устойчивое состояние: мы склоняемся к выводу о том, что в той и другой структурах (траекториях) почти одновременно шел процесс выхода на аттрактор, представляющий собой начальный этап раннего железного века, отражающийся в комплексах баитовской культуры.

В сузгунской культуре, локализованной в южно-таежной части Среднего Прииртышья, влияние северного компонента повлекло за собой начало формирования красноозерских древностей (В.Ф. Косарев, М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов, А.Я. Труфанов, А.В. Полеводов, О.С. Шерстобитова и др.). Однако уже на начальной ступени развития носители красноозерских традиций были, скорее всего, вытеснены в зону лесостепи (периферию сузгунской культуры), где в последующем и шло их развитие. Эта траектория в системе сузгунской культуры, на наш взгляд, оказалась тупиковой – красноозерская культура распалась, не перейдя в раннежелезное время. Вторая траектория наметилась еще на позднесузгунском этапе сузгунской культуры (А.В. Полеводов) в таежной зоне Прииртышья и явилась результатом ее поступательной динамики, что фиксируется в материалах журавлевских комплексов, являющихся начальным этапом развития богочановской культуры раннего железного века (Е.М. Данченко).

Под влиянием северных групп на население позднего этапа ирменской культуры в лесостепном Приобье формируются так называемые комплексы завьяловского типа (Т.Н. Троицкая, Т.В. Мжельская). Представленная ими траектория развития примерно в VII в. до н.э. (возможно, в конце VIII в. до н.э.) волилась в состав комплексов раннего (большереченского) этапа большереченской культуры раннего железного века, формирование которых шло на территориях Новосибирского и Барнаульского Приобья на основе позднеирменской традиции (Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский).

Выявление второй траектории развития позднеирменского этапа ирменской культуры в лесостепном Обь-Иртышье связано с поиском основ ранних комплексов саргатской культуры, что затрудняется отсутствием выразительных материалов с так называемыми переходными чертами от позднеирменской к раннесаргатской культуре. Однако следует отметить, что лавинообразные процессы организации новой системы могут и не дать ярко выраженных и массово прослеживаемых переходных форм – качественно новое в ходе саморазвития системы в моменты обострения, сверх-

быстрого роста, возникает внезапно и, главным образом, случайно.

Формирование раннесаргатских комплексов и, соответственно, траектории развития относится, скорее всего, к VII в. до н.э. Этот процесс представлял собой длительную выработку и становление новых (раннежелезных) стереотипов и форм внутри позднеирменского этапа ирменской культуры в Барабе и в смешанных сузгунско-ирменских комплексах в лесостепном Прииртышье (А.Я. Труфанов, Л.И. Погодин, А.В. Полеводов). Кроме того, становление собственно саргатской культуры было сопряжено, скорее всего, с неким южным импульсом, атрибуция которого в настоящий момент затруднительна (В.А. Могильников, Н.В. Полосмак, В.И. Молодин и др.).

Таким образом, на третьем этапе бифуркационного периода появляется устойчивая структура – аттрактор. Согласно синергетическому подходу в системе, находящейся в точке бифуркации, может возникнуть несколько альтернативных путей дальнейшего развития (или устойчивых структур), имеющих возможность для реализации в ней [14. С. 75]. Количество и тип данных структур определяется исключительно внутренними свойствами системы, но не все они, в итоге, могут осуществиться. Анализ археологического материала показывает появление как минимум трех таких альтернативных путей выхода из бифуркации, потенциально заложенных внутри сформировавшихся структур. Первый из них – «структура настоящего», означающая процесс скатывания системы на старую структуру или, иначе, ее консервации. Будущее такой системы – стагнация и в конце концов распад, полный или частичный. Второй путь – «структура прошлого», определяющаяся как возврат системы на целое тысячелетие назад, в простом приспосабливании к изменяющимся условиям среды. Итог этого направления – абсолютно равновесное состояние, в котором система может находиться сколь угодно долгое время и внутри которого, по определению, не может произойти выхода на иное поле эволюции. Третий путь

самый оптимальный – «структура будущего», описывающая процесс выработки в системе новых качеств, позволяющих не просто адаптироваться к окружающей среде, а перестроить всю систему культуры. Таким образом, можно говорить о том, что траектория развития сузгунской культуры, связанная с красноозерским направлением, представляла собой «структуру настоящего», данная ветвь развития была тупиковой. «Структуру прошлого» представляли собой культуры северных племен (они выступили в роли внешнего аттрактора), однако сформировавшиеся на их основе «переходные» культуры лесостепи данный путь не осуществили, хотя потенциально такая возможность присутствовала, что отражается, например, в повышении роли присваивающих форм хозяйства. Выделенные нами траектории развития в системах бархатовской, сузгунской и ирменской культур, представленные баитовскими, журавлевскими, раннебольшереченскими и раннесаргатскими древностями, как структуры-аттракторы могут быть отнесены к обозначенной нами «структуре будущего» или к культуре раннего железного века.

Выход на структуру-аттрактор обозначил собой начало *постбифуркационного периода* развития. Оно связано с формированием к VI–V вв. до н.э. трех культур раннего железного века: богочановской в таежной зоне Прииртышья; большереченской в лесостепном Приобье, вошедшей в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства; саргатской, являвшейся результатом объединения различных по своим качественным характеристикам структур на территориях лесостепного Притоболья, Приишимья и Прииртышья, Барабинской лесостепи. Саргатская культура характеризует собой все последующие существование и динамику культуры в эпоху раннего железа в большей части лесостепи Урало-Обского региона или качественно новое эволюционное поле культуры, просуществовавшее примерно до середины I тыс. н.э., когда из постбифуркационного периода развития система вновь вступает в предбифуркационный этап.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
2. Матюченко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Ч. 3, вып. 11. 150 с.
3. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
4. Матвеев А.В. Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири: Сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 48–52.
5. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
6. Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.
7. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995. 96 с.
8. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
9. Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской культурно-исторической общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. № 3 (11). С. 48–62.
10. Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука в Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999. С. 93–124.
11. Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 67–111.
12. Корочкова О.Н. Предтаежное и южно-таежное Тоболо-Ишимье в эпоху поздней бронзы: Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.
13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетей, 2002. 414 с.
14. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет). М.: Академический Проект, 2007. 383 с.
15. Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. 416 с.
16. Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.
17. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 20 апреля 2011 г.